

свойства ума высокого и беспристрастного, нужна психическая проницательность глубокого сердца. <...>

Подобный труд мог бы совершить Карамзин. Он всегда желал и надеялся, по доведении истории своей до воцарения дома Романовых, окинуть взором новейшую нашу историю до наших дней в сжатом, но полном очерке. Смерть не позволила ему достигнуть и первой грани предпринятого им труда. Он был под очарованием высоких и любезных свойств Александра, но он не был им ослеплен. Он судил его и не скрывал от него суда своего. Он говорил ему смелую правду прямо в глаза. К тому ж Государь, которому приписывали некоторую скрытность, был, по всем вероятностям и многим свидетельствам, более откровенен с Карамзиным, чем с другими. Карамзин, и по обстоятельствам, и по характеру своему, всегда находился пред ним в независимом положении. Сношения царя и подданного могли быть и были нравственно свободны и бескорыстны. <...>

Поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина»

...Карамзин, *не мудрствуя лукаво*, провел русскую историю широкими путями Провидения. Многие, которым показалось, что этот способ слишком прост, селятся провести ее сквозь иглиные уши⁶ особых систем. В молодежи эти попытки понятны. Самонадеянность и алчность новизны неизменные, а в некотором отношении и похвальные свойства молодого поколения в деле жизни и науки. Узнав, что Пушкин пишет в деревне своей трагедию «Борис Годунов», я просил его сказать мне несколько слов о плане, который он предназначтал себе. «Мой план, — отвечал он, — весь находится в X и XI томах «Истории» Карамзина». Почти то же сказал он и в посвящении труда своего памяти историографа⁷. Некоторые критики ставят ему это в порок. Мы находим в этом новое свидетельство зрелости и ясности поэтических понятий Пушкина. Если кто спросил бы Карамзина, когда готовился он писать «Историю», какому плану намерен он следовать, он мог бы отвечать с таким же чистосердечием и глубокою мудростью: «Мой план весь в событиях». Ныне пользуются событиями, чтобы изнасильничать их: так поступают

особенно французские новейшие историки. Эта школа закладывается и у нас. Разумеется, исполнение простого плана не может удовлетворить всем требованиям. Иные хотят, чтобы чрез всю историю протянута была одна мысль, слышен был один лозунг, на который откликались все события. <...> История в роде Тьера⁸ и некоторых других французских историков имеет свою занимательность. Это красноречивые адвокатские записки в пользу одного или другого решения политической задачи. Этот способ может еще быть употребляем в историческом изложении известной и определенной эпохи. Тут как-нибудь можно еще пополам с грехом насильно натягивать концы с концами. Но в истории России и особенно же в труде Карамзина, который должен был начать с того, чтобы из-под праха отыскать и восстановить события, всякая натяжка, всякое заданное себе наперед направление лишили бы его возможности представить полную картину того, что было и как было.

Некоторые обвиняют «Историю» Карамзина в том, что она не философическая; нужно бы наперед ясно и явственно определить, что должно признавать философию истории. Если под этим выражением должно подразумевать систему и обязанность с заданной точки зрения смотреть на события, то его творение в самом деле не философическое. Но между тем должно приписать это не тому, что Карамзин не знал подобного требования новейших критиков, но тому, что, в сознании ясного и самобытного ума, он был выше этих требований. Если же принять философию в более обширном и общечеловеческом смысле, то есть в смысле бесстрастной и нелицеприятной мудрости, любви к истине и к человечеству, возвышенной покорности пред Промыслом, то «История» его глубоко проникнута и одушевлена выражением этой философии. Одна есть философия частного ума и определенной эпохи, другая — выражение души бессмертной, опытности и мудрости веков. Политический характер «Истории» Карамзина также верно обозначен. Он может не всем нравиться — это другое дело. Возлюбив Россию, Карамзин должен был полюбить и пути, которыми Провидение провело ее к той степени величия и могущества, которую ныне она занимает. Карамзин не мог не быть монархическим писателем в высшем и бескорыстном смысле этого слова, потому что Россия развилась, окрепла и сосредоточилась в силу монархического начала. По этому пути нет у него нигде ни натяжки, ни отступления от добросовестности. Ум его был ясен, сердце было чисто. Один был чужд предубеждений и систематической односторонности, другое было чуждо лукавства и лести. Не опасаясь поко-

лебать верование в правила, коих истина и святость были для него несомненны, он нигде не утаивает ошибок, погрешностей и предосудительных уклонений власти, когда подлежат они суду историка.

Карамзин сделал многое, но, разумеется, не все историческое поле им проследовано и прочищено. Оно еще не окончательно разработано. Еще много трудов впереди. В предисловии к «Истории» Карамзин сказал, что более всего поддерживало его в труде: «надежда быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для *строгих его судей*». Надежда его вполне сбылась. Хорошо делают *строгие судии* его, что, не слепо доверяя ему, стараются новыми изысканиями и пояснениями отдельных вопросов дополнить труд его и сделать отечественную историю еще известнее. Худо поступают те, которые, принимаясь за это дело, увлекаются излишнею самонадеянностью и заносят оскорбительную руку на творение, которое все же пока остается у нас единственным памятником и маяком в области отечественной истории. Нельзя без жалости и негодования встречать часто легкомысленные и даже презрительные отзывы, которыми оценивается многолетний и добросовестный труд великого писателя. Со стороны некоторых критиков эти отзывы не заслуживают внимания. Они теряются в ничтожности обыкновенного их пустословия. Но прискорбно видеть, что в этом отношении не совершенно безгрешны даже некоторые из малого числа наших исторических деятелей, которых заслуги не подлежат сомнению. По крайней мере им надлежало бы быть умереннее и признательнее. Их любовь к науке, их ученость и ум не только давали им на это право, но ставили им это и в обязанность. Кажется, Пушкиным было сказано о некоторых критиках Карамзина-историка: они младенцы, которые кусают грудь кормилицы своей⁹. Впрочем, как бы то ни было, все эти разыскания, споры противоположных мнений, гипотезы, разрешения частных вопросов, как они ни будь относительно полезны, все не дают же истории. Возвращаясь после долгого отступления к основному началу нашей статьи, нам все-таки останется заметить и сожалеть, что как после Пушкина не было у нас великого поэта, так после Карамзина не было у нас историка. Собиратели материалов, каменосеки — люди очень полезные и необходимые, но для сооружения здания нужны зодчие, а зодчего¹⁰ у нас нет. Еще одно замечание: нынешние исторические труды окажут свою действительную пользу в будущем. И в этом отношении они драгоценны. Ныне они, по сухости и частности своей, вообще недоступны и бес-

плодны для большинства читателей. Специальные люди занимаются разработкою нашей истории, но публика не в состоянии вникать в эти труды и следовать за ними. Публике нужны не догадки, не гипотезы, не материалы, а нужно что-нибудь целое, стройное, художественное. Нет сомнения, и нельзя о том не соболезновать, что с того времени, как самые начала истории нашей снова приведены в спорную статью и доверие к труду Карамзина потрясено разнородными требованиями, новое поколение читателей — не говорю производителей — хуже знает историю, нежели знали ее за двадцать лет тому.

Распространившись здесь о Карамзине, мы, впрочем, не отступили от первоначальной мысли нашей и от задачи, которую себе положили. Отсутствие Карамзина и Пушкина живо обозначают нашу нынешнюю литературную эпоху, эпоху переходную, как мы надеемся. Как ни были разнообразны между собою дарования обоих писателей, равно и направления их, нередко даже и противоположные, но Пушкин едва ли не более всех других писателей наших родственно примыкает к Карамзину и является прямым и законным наследником его. Как тот, так другой были наиболее влиятельными и господствующими писателями своих эпох. В них сосредоточивались литературная сила и власть. А что ни говори, и в республике *lettres* нужна глава, нужен президент. У многих нянек дитя без глазу, а здесь, пожалуй, без языка. Избранный писатель, увлекаемая деятельностью, производительностью своею, вместе с тем нечувствительно и неосознанно налагает пример свой на других. Он, кажется, одарен одною прелестью, но эта прелесть оказывается могуществом, неотразимым завоеванием. Великий писатель, назло выдуманной Тьером политической аксиоме «*le roi regne et ne gouverne pas*» *, в одно время царствует и управляет: он царствует потому, что управляет, и управляет потому, что царствует.

---

* король царствует, но не управляет (*фр.*).